

РОЛЬ БЕССОЗНАТЕЛЬНЫХ ФАНТАЗИЙ В СТАНОВЛЕНИИ ЖЕНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Актуальность данной работы определяется необходимостью адекватного понимания и осмысления роли женского, материнского в современном обществе. Существующие в психологии взгляды на проблему женской идентичности отличаются особенностями теоретического осмысления этого феномена и основными направлениями исследований. Кто такая женщина и что она собой представляет – дискуссионные вопросы, по поводу которых нет единого однозначного мнения. Основные представления, касающиеся данной проблематики, предлагают классический психоанализ и феминистская теория. З.Фрейд рассматривал женщин как «неудавшихся мужчин». По Фрейду, зависть к пенису у женщин универсальна; она ответственна за их комплекс кастрации (вследствие которого они ощущают себя «кастрированными») и занимает центральное положение в психологии женщин. К. Хорни как первая крупная феминистка, в своей теории психологии женщины, доказывала, что многие женщины стремятся стать более маскулинными с целью приобретения власти и привилегий, которыми обладают мужчины. Постмодернизм, в частности теория Ю.Кристовой, рассматривает возможность субъективации женского в доэдипальной стадии развития.

Когда психоанализ говорит об объекте, он говорит об объекте желания, каким он выстраивается в эдиповом треугольнике. В этой фигуре отец – основание власти, а мать – прототип объекта. Это на мать направлены не только все потребности выживания, но, прежде всего, первые миметические вдохи. Она – другой субъект, объект, гарантирующий существование в качестве субъекта [3, 68]. Процесс становления женской идентичности происходит в длительных отношениях с матерью и опосредуются ими. При этом девочка должна быть достаточно дифференцирована, чтобы взрослеть и ощущать себя в качестве отдельного индивида, т.е. преодолеть первичную идентификацию, сохраняя и выстраивая вторичную. Согласно психоаналитической теории, гетеросексуальная ориентация является, прежде всего, результатом эдипова комплекса для обоих полов, однако у мальчиков и девочек это происходит по-разному. Из-за того, что первичным объектом является мать, девочка, прежде чем обрести собственную гетеросексуальную ориентацию, должна перенести выбор объекта на своего отца. Только инстанция отца может генерировать в полном смысле объектные отношения, поскольку она вводит символическое измерение между «субъектом» (ребенок) и «объектом» (мать). «Воображаемый отец» – это фантазм об отце, который способен любить так же, как мать. Воображаемый отец является гарантом вхождения в эдипов треугольник и обеспечивает становление субъекта. Но либидинальный поворот к отцу не заменяет ее привязанности к матери. Интернализированное переживание «Я» в первоначальных отношениях с матерью остается соблазнительным и пугающим: единство было бы блаженством, но, тем не менее, означало потерю «Я» и абсолютную зависимость. М. Балинт утверждает, что возвращение к переживанию первоначальной любви – основная цель взрослых сексуальных отношений. Женщины могут обеспечить эту потребность лучше, чем мужчины, потому что сексу-

альные отношения с женщиной воспроизводят в какой-то мере исходную ситуацию и тем самым представляют собой возвращение к матери. Женщина, как предполагает Ненси Чодороу, не может вернуться к матери в соитии так же непосредственно, как мужчина. В символическом плане может помочь ее идентификация с мужчиной. Еще одним способом удовлетворения этой потребности является установление серьезных личных отношений с другими женщинами. Именно в лесбийских отношениях чаще всего воссоздаются эмоции и связи, имеющие место между матерью и дочерью, но большинство женщин гетеросексуальны. Гораздо более прямое символическое возвращение к матери происходит посредством идентификации с собственным ребенком. Ребенок завершает интернализированный асимметричный отношенческий треугольник, где женщина занимает новое место – место матери по отношению к собственному ребенку [1, 64].

Рождение ребенка есть также обращенная реакция – для матери – симбиоза с ее матерью, того симбиоза, с которым должна была бороться она. Поэтому трудности, которые преодолевает женщина при отделении от матери, возникают не только потому, что она «то же самое», но также вследствие неотвратимых обстоятельств, воспроизводящих слияние и приводящих к повторяющемуся (с каждым ребенком) возобновлению тяжелого испытания отделения от своей матери. Младенец рождается на шаткой границе между матерью и телом ее матери. Тем самым восстанавливается фантазматическое присутствие, фантазматическое слияние, едва-едва преодоленное. При этом возникает угроза идентичности. Поэтому утрата матери не только неизбежна, но и необходима. Незавершенное отделение от матери Кристева находит часто встречающимся среди женщин явлением: блокируя появление должного тела, задерживаемая «внутри» мать оказывается ответственной за фригидность («Я полна – в меня нельзя войти»), за сопротивление наслаждению («Как могу я наслаждаться, если должна утратить мою мать?»), а также за подавление действия и занижение языка [4, 52].

«Я» не существует вообще до того, как «Я» существует похожее на, а лишь разделяет, отторгает. Кристева отмечает, что если ребенок и может быть для матери знаком для ее собственной самоидентификации, то нет никаких оснований для того, чтобы она в свою очередь стала для него проводником его собственной автономизации и самоидентификации. Отделение – резкое и неуклюжее, его всегда подстерегает опасность вновь попасть в зависимость от одновременно успокаивающей и удушающей власти, власти архаической матери [3, 49].

Фрейд в «Тотеме и табу» говоря «обо всех первых начинаниях сексуальных склонностей утверждает, что с самого начала они не направлены ни к какому внешнему объекту». Он называет эту фазу, за которой последует выбор объекта, аутоэротизмом. На промежуточной фазе сексуальные наклонности, которые были независимы друг от друга, соединяются в одну и направляются к объекту, который еще не является внешним объектом, но мое собственное Я того, кто к этому времени оказывается уже конституированным. Неконституирование объекта (внешнего) как

такового делает идентичность Я неустойчивой, которая не может быть установлена точно без того, чтобы отличить себя от другого, от ее объекта. Эта нарциссическая топология устанавливается в психосоматической реальности ни чем иным, как диадой мать-ребенок. Запрет на инцест скрывает первичный нарциссизм и всегда двойственные угрозы, с помощью которых он оказывает давление на субъективную идентичность. Он уничтожает в зародыше всякую попытку возвращения, отвратительного и упоительного, к этой пассивной позиции по отношению к символической функции, где, колеблясь между внутри и снаружи, он найдет вместе с нирваной – смерть. Целая сторона сакрального специализируется на заклании этой опасности. Речь идет об обрядах позора и их производных, которые, основываясь на чувстве отвращения и сводя все к материнскому, пытаются символизировать эту другую угрозу для субъекта – поглощенность двойственной связью, где он рискует потерять не часть, а потеряться целиком. Задача этих религиозных обрядов – вызвать у субъекта страх, что он безвозвратно похоронит в матери свою собственную идентичность [3, 100].

Кристева исследует возможности субъективации в антисимволическом доэдипальном пространстве отношений с матерью. Нерасчленимое океаническое единство – в сущности, женский элемент смертельной и ликующей нераздельности; это то место, где правит власть архаической матери до возникновения субъективности, означения и значения. Угроза, которую представляет собой архаическая мать, – это угроза скорее тотальной утраты «Я». Проблема отделения от матери решается, по мнению Кристевой, еще на доэдиповой стадии через фантазматическое матереубийство. Перед пробуждающимся к возникновению говорящим существом встает необходимость матереубийства – как единственного пути к субъективности и языку [3, 20]. «Утрата матери – которая для воображаемого равносильна смерти матери – становится организующим принципом символической способности субъекта» [4, 15].

Насильственная природа необходимости матереубийства «общего для обоих полов», подчеркивается

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология гендерных исследований. – Минск: Прописи, 2000. – 384 с.
2. Кристева Ю. От одной идентичности к другой. // От Я к Другому: Сб. пер. по проблемам субъективности, коммуникации, диалога. – Минск: «Менск», 1997. – С. 254-275.
3. Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении. – СПб.: Алетейя, 2003. – 256 с.

невозможностью инкорпорации или интеграции убитой матери (т.к. по Фрейду, через поедание тотема братьями-отцеубийцами инкорпорируется отец); матереубийство, наоборот, реализуется как «выблевывание» материнского тела, его отторжение. Это отторжение проводит первую границу между внутренним и внешним, это первая грань, отделяющая все еще хрупкое «Я» от «всего остального». Это акт, устанавливающий первичную необратимую утрату. Потеря инициирует вхождение говорящего существа в язык. При незавершенном отделении от матери его ожидает ужас неразличения, меланхолия, паралич функции означения и смерть [4, 15].

В современном обществе наблюдаются стремительные изменения в ролевом поведении и отношениях между полами. В рамках гендера можно выбирать различные идентичности. Правильный выбор обеспечивается адекватным осознанием собственного «Я».

Взгляд Ю. Кристевой на проблемы женской психологии предлагает женщине осознать свою сущность вне зависимости от исторически сложившихся предписаний, принятых норм, социальных ожиданий. Если Фрейд говорит о зависти женщины к пенису, Хорни – о зависти мужчины к репродуктивной способности женщины, то Кристева – о страхе мужчины перед архаической матерью, представляющей собой страх перед ее производящей силой. А «власть фаллоса... возникает как результат присвоения архаической материнской власти» [4, с.15]. Этим объясняется многовековая тенденция общества препятствовать усилиям женщины достичь позитивной идентичности.

Изучение того, как выражается половая идентификация личности во взрослой жизни, поможет выявить, как женщины создают или хотя бы создают межличностные связи, которые лежат в основе сформировавшейся их семейной структуры и воспроизводят их.

Проанализировав теоретические положения о женской идентичности и процессах ее формирования можно сделать вывод, что проблема всестороннего освещения вопроса о женской идентичности не решена и нуждается в дальнейшей разработке.

4. Николчина М. Значение и матереубийство. Традиция матерей в свете Юлии Кристевой. – М.: «Идея-Пресс», 2003. – 180 с.

5. Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа / Пер. с англ. – СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 1995. – 288 с.

Подано до редакції 30.11.05

РЕЗЮМЕ

В статье описываются главные факторы, влияющие на процесс образования женской индивидуальности, которая, как показывают результаты исследования, определяется долгосрочными отношениями с

матерью. Главной целью исследования является определить возможности становления проблемы на внутриутробной стадии и роли матереубийства в процессе отделения от матери.

SUMMARY

The article describes the main factors influencing the process of female identity formation. The latter appears to be conditioned by long relationships with the mother. The

chief aim is to investigate the opportunities of becoming the subject on preoedipal stage and the role of fantasmatic matricide in the process of separation from mother.